

ПЕТР ГЛАДИЛИН

НОС

***Театральная фантазия по мотивам
одноименной повести
Н.В. Гоголя и Эдмона Ростана.***

монопьеса

Гладилин Петр Владимирович @

8 926 142 60 56 (моб).

Москва 2008 г.

Действующие лица:

Илья Андреевич Нахабцев - артист Александрийского театра.

Павел Игнатьевич Ставский - директор Александрийского театра

Майор Ковалев, коллежский асессор

Нос майора Ковалева

Иван Яковлевич Зольденберг - цирюльник

Государь-император всея Руси российский самодержец

Аввель Ферронович Массальский - сенатор

Глафира Пантелеймоновна - древняя старуха, соседка майора Ковалева

«Нет - говорил Ковалев, пропитавши письмо. - Она точно не виновата. Не может быть! Письмо так написано, как не может написать человек, виноватый в преступлении»
Н.В. Гоголь «Нос»

А нос Какой! Как он отрос,
Что нужен шарабан, его не вложишь в тачку...
Бедняга по утрам прогуливает нос,
Как барыня свою собачку!
Эдмон Ростан «Сирано де Бержерак»

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

АРТИСТ НАХАБЦЕВ

На сцене, где нет света, стоит зеркало из актерской гримм-уборной (возможно несколько таких зеркал). На сцену выходит молодой мужчина (артист Нахабцев) в обыкновенном городском костюме девятнадцатого века, садится к зеркалу. Он открывает коробку с папиросами, достает одну, закуривает. Смотрит в свое отражение, как будто желает увидеть в собственных глазах то, что никогда раньше не видел, достает из другой коробки огромный нос, прикладывает к лицу. Читает вслух.

Что плакать мне и то нельзя
Смешна бывает и слеза.
Когда она бежит по эдакому носу!
Ну вот и все Ле-Бре.
Мне одиноко, пусто
От горького ума, подавленного чувства,

От нанятых ночей дежурящих в ночи
За жалкий луидор, заплаченный наймитом,
От низости, одетой в титул
И в королевские плащи...

Нахабцев смотрит на себя, хватается за нос и срывает его с лица.

НАХАБЦЕВ

Это не нос, и я с этим-с носом никакой не Сирано де Бержерак. Я с таким носом, многоуважаемый господин директор театра, не выйду на сцену. И мне наплевать на то, что проданы все билеты!

Нахабцев бросает нос прочь от себя. Резко встает и уходит. Нос лежит на авансцене в луче прожектора.

Из-за зеркала появляется директор театра, Ставский. Он идет к лежащему на сцене огромному носу, поднимает его.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ДИРЕКТОР АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ТЕАТРА СТАВСКИЙ

Ну, слава Богу, цел. Разве можно так обращаться с реквизитом? Перестаньте теперь же блажить, Илья Андреевич, прекраснейший нос для вас сотворили. Слава Богу, в нашем театре самые лучшие в Петербурге бутафоры, вы меня, честное слово, с ума сведете. Послушайте, вы замечательно с ним репетировали. Илья Андреевич, смилуйтесь, сжальтесь, мы же в императорском Александрийском театре служим, нам никак нельзя отменять премьеру, она была объявлена заранее, все билеты до одного проданы, сам российский самодержец придет посмотреть на вас в роли Сирано де Бержерака. Не сводите меня с ума. Оставайтесь, куда вы? Я вас никуда не отпущу. Нет, я вас никуда не отпущу, пока мы не договорим. Нет, вы не пойдете домой.

Директор театра Ставский бежит вслед уходящему Нахабцеву (исчезает за зеркалами).

На сцену выходит Нахабцев.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

АРТИСТ НАХАБЦЕВ

Мы же с вами, господин Ставский, про нос этот сто часов проговорили, а вы что же мне такую халтуру подсовываете? Мне играть в пьесе господина Ростана, а не вам, и поэтому, скорее всего, мне лучше знать каков у господина де Бержерака нос. Это еще разобратся надо: кто кого с ума сводит. Таких носов полно в Вятке и Воронеже, я уже не говорю про Кострому или Тулу, где кроме таких носов, как вы мне предлагаете, других вообще не сыщешь!!! Я играю Сирано. Поэта, дуэлянта! Мне нужен французский нос, изящный нос, заграничный нос, романтический нос!!! Не московский, не петербургский и не нижегородский, не воронежский и не вятский! Мне нужен необыкновенный нос! Слегка потусторонний нос. Сценический нос! Литературный нос! Поэтический нос! Магический нос! Такой, каких не сыщешь нигде и ни за что. Да что же за идиотские вопросы вы мне задаете? Где вам сыскать нос, который и вообразить себе трудно - это не мое дело! Не стану я влезать в вашу кожу, отменяйте премьеру! Возвращайте деньги за билеты. А мне какое дело! Меня ваше положение не касается! Хоть возьмите веревку и удавитесь! Колесуйте меня, не выйду на сцену с таким фальшивым носом! Не выйду!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА СТАВСКИЙ

Нашел! Нашел-с! Я вам нос нашел-с! Счастье-то какое, Илья Андреевич! Иду я по Мойке, а навстречу мне нос, о котором мечтать невозможно, артистический нос, сценический нос, парижский нос, поэтический нос, эксцентрический нос! Все, о чем вы только мне говорили, только умножьте еще на двадцать. И в то же время, наглый нос, и в то же время театральный нос. Пойдемте со мной. Одевайтесь, наплевать, что дождь и ветер, чей это нос, спрашиваете, Ковалева, коллежского асессора. Он сидит сейчас на углу в кондитерской, чай с баранками гоняет, мы тихонечко с вами войдем, с боку сядем, тоже закажем чаю. Уверю вас, вы останетесь под впечатлением. (Исчезает)

Одно из зеркал разворачивается, мы видим коллежского асессора майора Ковалева. Он пьет чай, держит фарфоровую чашечку двумя пальчиками, дует на чашку.

СЦЕНА ПЯТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Пьет чай.

(Разворачивает газету) Почитаем-с что такого любопытного в городе имеет место бывать ... так так так! Лошадь упала на Анечковом мосту. Движение было приостановлено, кучер был пьян, лошадь, как оказалось, тоже была под мухой. Кучер доставлен к околоточному... напоил животное брагой и медовухой... на спор, довезет ли пьяная пролетку до стрелки Васильевского острова. Отчаянный в нашем городе народец проживает, отчаянный, ну а если всерьез поразмыслить негодяй наверняка из приезжих. Коренной петербургский кучер такого вытворять не станет.

Вышла в свет новая книга стихотворений поэта Александра Пушкина. Кто такой Пушкин... я не знаю. И знать не хочу... нелюбопытно. Стихи это по дамской линии, не для майоров. Не по нашему ведомству стихи. Пушкин... Квакушкин. Так-с. Нелюбопытно.

Ожидается наводнение например позапрошлогоднего. Жителям первых этажей рекомендуется подняться вместе с имуществом на более высокие. Ну, слава богу меня это не касается.

Обожаю я, когда в Петербурге буря или шторм на море, когда обрывки газет и всякой нечисти носятся в воздухе, пребывать в теплом помещении и пить раскаленный чай, и наблюдать, как на ледяном ветру ежатся другие коллежские ассессоры. А я, коллежский ассессор Ковалев, сижу себе в тепле и горя не знаю. Преприятнейшее времяпрепровождение. Только одна горькая мысль слегка беспокоит мой разум: ведь рано или поздно надо будет встать и выйти на Невский проспект, а ветер не стихает, ледяной ветер становится все сильнее и сильнее. И в чем же тогда преимущество, господа? Скажите мне на милость: в чем же мое преимущество?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

АКТЕР НАХАБЦЕВ (подглядывает за майором)

Это то, что нам надо, Павел Игнатьевич. Откуда у коллежского ассессора такой изысканный нос? Гениальный нос. Театральный нос! Характерный нос. Сценический нос. Высочайшего искусства нос. Все в нем есть: и этика, и эстетика. И Шекспир, и Мольер, и Ростан, и древние авторы тоже. Литературный нос, театральный нос, танцевальный нос, музыкальный нос, фантастический нос!!! Такой, именно такой нам нужен-с! Это именно то, что нам и надо. Напоить до смерти и вместо салата, подвинуть под его физиономию тарелку с мокрым гипсом? Нет! Увольте! Копию с него делать смысла никакого нет, ваши бутафоры все испортят. Нам нужен этот нос заполучить для спектакля, в том самом естественном виде, в котором он

существует на лице коллежского асессора. Живой, свежий, сочный нос мне для роли нужен! Перестаньте ныть, Павел Игнатьевич. Каким образом мы его получим? Самым, что ни на есть, естественным. **Оттяпаем нос майору, и делу венец!** Зачем человеку, который по чиновничьей части, такой художественный гениальный нос? Никто этот нос, кроме его супруги и столоначальников не видит, а что до прохожих, они на него внимания не обращают! Я вас к преступлению подбиваю? Ну, разумеется, Павел Игнатьевич! Вот именно, к преступлению!!! Ничего-с! Без носа коллежский асессор жизнь доживет. Оттяпаем нос у майора! Узнайте где он бреется, у какого цирюльника, у Ивана Яковлевича, у немца? На Фонтанке? Преотлично. Возьмите денег из театральной кассы и отдайте немцу! За деньги немец на все, что угодно пойдет! Скажите, чтобы, когда он будет майора брить, пусть возьмет аккуратненько майора за кончик носа, а бритвой тихонечко подмахнет, незаметно носик оттяпает, завернет в тряпочку и нам отдаст. Только пусть он майора не у зеркала бреет, а у окна! Пока майор хватится, пока до дома дойдет, пока в зеркало посмотрится. А то, может быть, и на утро вовсе. Я понимаю, к чему я вас подталкиваю. К преступлению, Павел Игнатьевич, к самому, что ни на есть подлому хищению, к каторге, к суду, к Шлиссельбургской крепости. А, неужели, ради высокого искусства вы не согласны на преступление? Я за такой достоверный бержераковский нос пол жизни отдам. Решайтесь! А? Я с таким носом выйду в первачи! А? А если вы откажитесь совершить преступление ради искусства, я на премьеру не выйду. Придется отменять! Хватит языком-то болтать. В кассу бегите, за деньгами! И к немцу! Живо! Успех на театре - не последнее дело! И тут надо нос по ветру держать! И ведь немаловажно, какой именно нос!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ЦИРЮЛЬНИК ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЗОЛЬДЕНБЕРГ

Майор Ковалев (как бы) сидит спиной к зрителям, у окна. Иван Яковлевич бреет коллежского асессора. Лихо бреет, пританцовывая.

Я вас побрить (бритва пустила солнечный зайчик), милый сударь, так, как вас никто не побрить! Стрижем, бреем, отворяем кровь! Немцы так брить тщательно умеют до корней, до самых луковиц! Не шевелись! Не дышать! Умница- разумница! Ах, как славно, ровненько, чистенько, гладенько будет. Вот и великолепененько-с! Так, о чем же я вам рассказывал? О супруге своей, Ангелине Осиповне? Ужасная она есть мотовка. Кофе пьет каждое утро. Ай, как хорошо со щеки взял! Даст ист вундербар! И кофе по утрам пить, и

платья покупает! Самые дорогие! Так простите меня, господин майор, мне надо откуда-то деньги брать. А тут она захворала. Позвал доктора, он тоже немец. Четыре рубля взял. А у меня, между прочим, тоже есть недомогание. Ножницы купить надо, расческу, зеркало, лекарства надо купить. На все деньги нужны. Я за любую работу братья с удовольствием. Любая работа хорошо! Закройте-ка глаза. Дайте-ка я вас за кончик носа подержу! Под самым носом. Не дрожите! Не дышите! Вот отлично!

Иван Яковлевич, незаметно для майора, отсекает нос, рассматривает нос майора за его же спиной. В два прыжка достигает стола. Кладет нос на стол, закрывает нос платком.

Турки бреются ятаганами. Хорошо бреют, но много оставлять. А немец все выбривает, ничего не оставлять! И ничего не пропадает, когда стрижет, все в дело пойдет: на парики, шаньоны, локоны. Потерпите, я вот здесь, под щечкою, приберу.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА СТАВСКИЙ (с восхищением рассматривая нос)

Огромнущее вам спасибо, Иван Яковлевич, я из кладовочки наблюдал за вашим искусством. Замечательно вы бреете, замечательно, так сказать. За майорский нос огромное спасибо. Вы и аванс получили, и основную часть вот возьмите. О дополнительном вознаграждении речи быть не может. Уж вечер, деньги в руки давать – дурная примета. Я на буфет деньги положил. Пока что одного носа достаточно будет. Ну, а если понадобится, мы только к вам, уверяю вас, не беспокойтесь, Иван Яковлевич. Только об одном вас прошу: делом мы занялись с вами темным, нехорошим делом, держите, голубчик, свой немецкий язык за немецкими же зубами, а то не миновать нам всем казенного дома и крестового вольты в полуночный час. Нехорошее, нехорошее мы дело с вами обстрипали. Нехорошее. А коробочку свою заберите, у меня на нее денег не найдется уже. Потратился сильно на подельника. Я лучше нос в тряпочку заверну, не в вашу, в свою тряпочку! Мне так-то оно дешевле выйдет! У вас, у немцев, за все платить надо (заворачивая нос). Пусть себе лежит и сопит тихонечко в тряпочку. Только бы меня полицмейстер или околоточный по дороге к театру не остановил.

Уходит, уносит нос майора Ковалева в платке.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Утро майора Ковалева.

Боже, утро-то какое великолепное: небо ясное и солнышко светит. Как все поменялось за одну только ночь. Интересно, а что же это случилось с моим прыщиком, который вчера-с я, засыпая, обнаружил на кончике собственного носа и поленился дойти к столу и взять в руки зеркало. А теперь уже утро. Который час? Половина одиннадцатого. Пора, пора вставать, деваться некуда, все равно надо потянуться и мимо стола пройти. (Берет в руки зеркало) Говорила мне тетушка: «Не ешь много сладкого, если не хочешь, чтобы прыщи по лицу пошли». А, может быть, в меня кто-нибудь влюбился? Догадываюсь кто, Пелагеи Григорьевны дочка, экая каналья, глаз свой серый на меня положила, но только я на такие вещи не мастак. Господи. Что это со мной? Носа нету! На моем лице нет носа. Куда же он подевался? Надо успокоиться, присесть. (Садится на край кровати, еще раз смотрится в зеркало) Нету, решительно нету, куда же он подевался? Вчера же был на своем собственном месте. А, может быть, и вчера его уже на своем собственном месте не было. Надо было, надо было перед сном в зеркало посмотреться, а, впрочем, какая разница? Ужас-то какой! Это как же я без собственного носа жить-то смогу! Уродство-то какое! Лицо плоское, как блин! Страшно-то как. А, может быть, я сплю и мне все это снится? Такое, верно, со мной бывало. Увидишь что-нибудь ужасное во сне, например, как меня в солдаты разжалуют и на Кавказ посылают служить, а потом просыпаешься и думаешь: «Слава Богу, отвело». А ну-ка ущипну себя. Если не больно, значит, сплю. Только бы не больно. (Щиплет) Ой, как больно, ужасно больно. Это не сон? Нет, не сон. Не снится мне пропажа, а на самом деле случилось! Не отвалился же он сам по себе. Увели, украли! Увели нос! Это же что такое творится? Срочно к обер-полицмейстеру! Теперь! Пусть каблуки до пяток сотрут, а теперь же найдут и вернут мне мой собственный нос! Сапоги! Ивана звать не стану, напугаю до смерти. Одну парадную рубашку с высоким воротником, чтобы бесстыдство такое прикрыть. А что, если поехать в управу благочиния? Нет, к обер-полицмейстеру! А, пожалуй, что к частному приставу.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

АКТЕР НАХАБЦЕВ

Из-за кулисы появляется актер Нахабцев в костюме Сирано: в ярко красном камзоле треуголке, парике, панталонах. В руках у него сверток. Нахабцев достает из свертка нос, любуется им, любуется собой в зеркало, надевает нос.

Вот он последний штрих, вот он последний мазок, и происходит магическое превращение, пред нами заверченный, законченный образ. Волшебный миг преображения. Все, я другой! Я только с этим носом Сирано, Сирано де Бержерак!!!

Кого же может полюбить урод?
Конечно, самую красивую из женщин!
Прекрасная, как юг, и свежая как север!
Ее глаза подобны двум ночам!
Диана стройная, на смертоносный веер
Сменившая игрушечный колчан!

Отличный нос! Ну, это другое дело! Роль сразу пошла, задышала! Это же совершенно иное дело!

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ (у частного пристава)

Конечно, я, впрочем, майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично, ваше высокоблагородие. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа, но имею я в виду получить... при том, будучи во многих домах знакомым с дамами: Чахтарева, статская советница и другие. Извините, ваше высокоблагородие, если на это посмотреть сообразно с правилами долга и чести, так сказать. Как это вас понимать, что у порядочного человека нос не оторвут. Я с вами не согласен, с любым человеком такое может приключиться, совершенно с любым человеком. Я не аферист, никак нет, и не плут, и не каналья, и это дело такое, по которому сразу я судить бы вас простерег, потому что оно требует, на мой взгляд, тщательного подробного рассмотрения. Я, между прочим, двадцать лет на государственной службе и ни одного единого взыскания не имею. Как же вам не совестно погнать меня прочь и называть последними словами? Несчастье со мной приключилось, а у кого же мне искать убежища, как не у частного пристава? Ну, как знаете, пойду я, уж сам как-нибудь справлюсь, уж сам как-нибудь изловчусь! Я с вами не согласен! Обижаете вы меня, обижаете! Именно так как я сказал, что скорее у порядочного человека нос уведут, чем у непорядочного!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

ДИРЕКТОР АЛЕКСАНДРИЙСКОГО ТЕАТРА СТАВСКИЙ

Илья Андреевич, голубчик, Илья Андреевич, извините. Один только вопрос позвольте мне вам задать. Илья Андреевич, скажите мне, пожалуйста, будьте любезны. Не знаю, как мне быть: в программке нос указывать или не надо? Я так размышляю: что, если не напишем майорский нос, нос на нас обидится, знаете, какие они самолюбивые, коллежские ассессоры, а значит и носы ихние

тоже, я полагаю, очень тщеславные будут. Обидится ассессорский нос, хлопнет дверью, и что же мы тогда делать-то будем? И я в таком случае его понять сумею. На его месте любой бы впал в ажиотацию! Он ваш партнер, как никак, а вся слава достанется вам! Нечестно-с! Нос-то выдающийся, скандал выйдет, публика станет спрашивать: «А чей это нос? А в программе не указано». Давайте укажем отдельной строчкой: «Нос господина Сирано де Бержерака исполняет нос коллежского ассессора, майора Ковалева». Всякий зритель откроет программку, прочитает и останется доволен. И майорский нос тоже останется, доволен тем фактом, что о нем упомянули. Прекрасно то, что вы со мной согласны, так и напишем. Благодарю вас, Илья Андреевич. Нижайше благодарю. Так и напишем роль носа господина Сирано де Бержерака исполняет нос коллежского ассессора майора Ковалева.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Господа, где здесь газетная экспедиция? Прямо и направо. Благодарю. Здравствуйте, можно войти вас побеспокоить? Мне бы объявление в газету, о поисках необходимой мне пропавшей вещицы. Я желаю сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший этот предмет, мог в ту же минуту дать знать о месте его пребывания. Случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор никак не могу узнать. Я хочу только пропечатать, что особа, которая мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение. Я не могу предоставить вам своего собственного имени, фамилии тем паче! Зачем вам? Мне нельзя ее сказать. У меня много знакомых: Чахтарева, статская советница, Пелагея Григорьевна Подточина, штаб – офицерша. Вдруг узнают! Боже сохрани! Вы можете просто написать: Коллежский ассессор, или еще лучше состоящий в майорском чине. Нет, сбежавший - не дворовый человек. Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня нос! Нос - это не фамилия, не Носов! Нос мой собственный Нос пропал неизвестно куда! Да, я сам не могу понять, каким образом. Вы посудите сами, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог - и никто не увидит, если его нет. Напрасно вы полагаете, что ваша газета потеряет репутацию, ведь напечатали же вы о том, что сбежал от купца пудель черной шерсти. Боже, что же мне делать? Нигде невозможно отыскать ни грамма сочувствия. Не угодно ли мне в качестве успокоения понюхать табачку? Вы что издеваетесь надо мной? Разве вы не видите, что нет того, чем я мог понюхать! Что за ужасные шутки! Какая жестокость, а они еще и смеются!

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДИРЕКТОР ТЕАТРА СТАВСКИЙ

Успех, успех-то какой, Илья Андреевич, поздравляю. Публика с ума сошла: с балкона третьего яруса мещанин от бешеного, дикого восторга выпал на двадцать третий ряд партера. Bravo! Вас просят в императорскую ложу! Государь-император хочет пожать вам руку, хочет сказать вам слова. Быстрее, быстрее, за мной!

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

ГОСУДАРЬ-ИМПЕРАТОР. РОССИЙСКИЙ САМОДЕРЖЕЦ.

Вашу роль я рассматриваю не иначе, как покушение на мою собственную императорскую его величества всея Руси царя нашего самодержца, особу! Вы что же, Нахабцев, без ножа зарезать меня захотели? Оставить престол российский без самодержца! Я же от смеха чуть не помер! Это разве можно на театре такое устраивать? Это разве возможно, чтобы человеческое тело так содрогалось, так дрожало от смеха и от слез вместе со своими драгоценнейшими внутренностями, а особенно, если это императорское тело. Эта ваша роль носатого французишки, она же, ваша роль, хуже бомбы. Я-то думал, что меня к началу второго акта, Нахабцев, на куски, на мелкие кусочки разнесет! Слава тебе Господи, что я в собственном теле остался, и пребываю досель. Вы бомбист, Нахабцев, художественный бомбист! Опасным делом занимаешься, артист! А как бы я помер, и повесили бы тебя эдакого лицедея!!! Замечательно играешь, уморительно! Молодец ты, Нахабцев! И нос твой тоже молодец! Очень хороший нос! Как ты задорно носом своим водил! Сюда носом поехал, туда носом поехал! Здесь сморкнулся в платок, там чихнул и выдохнул! Аввель Ферронович, князь, напишите-ка сейчас же указ: «Представить артиста к ордену Андрея Первозванного, а нос представить к Анне третьей степени!» Молодец, артист! И нос твой молодец!

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

НАГРАЖДЕНИЕ. СЕНАТОР, ГЕНЕРАЛ АВВЕЛЬ ФЕРРОНОВИЧ МАССАЛЬСКИЙ.

На сцену выезжает огромный нос с человеческий рост. Оркестр играет марш. Нос сияет от счастья, от волнения слегка припотел.

Указом его императорского величества, за исполнение роли Сирано де Бержерака во французской комедии господина Ростана, награждается орденом святой Анны нос коллежского асессора, майора Ковалева.

Аввель Ферронович прикрепляет орден в самый центр носа. Играет оркестр. Аввель Ферронович исчезает. На сцену выходит уже награжденный ранее артист Нахабцев, достает из нагрудного кармана платок. У Нахабцева орден на ленте.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

АКТЕР НАХАБЦЕВ

Немного припотел, это от волнения, господа, влажный стал, испарина у него. На его месте, любой нос припотел бы! Не каждый день награды ему отдают, привычки не имеют. Оттого так сильно волнуется. Может, когда третий орден будет или четвертый, тогда испарины не будет, что есть дело привычки. То уже хорошо, что во время награждения не сопел, дышал спокойно, ровно. Что ты сказал? Табаку тебе охота? Ты заслужил.

Нахабцев достает коробочку с табаком.

В какой подъезд: в правый или в левый? В левый подъезд!

Нахабцев засовывает щепотку табака в левую ноздрю. Нос резко втягивает в себя воздух. Нахабцев, ехидно улыбаясь, подает еще щепоточку табака в левый подъезд. Нос резко вдыхает. Нахабцев подает еще щепоточку табака в левый подъезд. Нос громко чихает. Свечи гаснут.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ.

Это как понимать можно? Открываю я газету, а там театральный листок напечатан. Я вам почитаю, вы только послушайте, мил человек.

Разворачивает газету.

Сегодня в Александрийском театре премьера: Ростан «Сирано де Бержерак». В главных ролях: Сирано – артист Нахабцев, а ниже строчка: «В роли вопиющего носа Сирано де Бержерака – нос коллежского асессора майора Ковалева». Это что же это получается? Форменное безобразие. И то в наши дни такое творится! В эпоху просвещения! Пока я хожу по улицам, ищу драгоценный мой нос, эти ловкие господа на мой нос билеты продают. А я же тем временем не могу ни чихнуть, ни засопеть, ни табаку в него набить. Стою перед зеркалом, наблюдаю себя в комическом ужасе, с совершенно плоским, как блин, лицом. А тем временем, господин Нахабцев моим носом народ потешает! Моим государственным, так сказать, майорским асессорским

носом. Я, между прочим, присягу давал весь, так сказать, полностью, так сказать, целиком, и я на верность царю присягал, значит, и нос мой тоже. А значит, что и нос мой под присягой. Это получается, пока я в присутствие хожу и служу государю, мой нос тем временем дурака валяет, горохового шута из себя валяет! Я управу на них найду, я покажу им как над майорским носом потешаться! И что за время такое! Оттяпали мой нос, и на виду у всего Петербурга над носом моим потешаются, в газетах про него печатают. Другой вор, на их месте, постыдился бы, а они ничего не боятся! В программке украденный предмет показал, вот времена настали: краденных лошадей на бега выставляют!

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

БАЛ

Из этой сцены мы узнаем о том, что артист Нахабцев вместе с майорским носом появляется на балу производит фурор. Нахабцев дефилирует между носами великосветских вельмож, дам и царских сановников(естественно между многочисленными самых разных форм носами вельмож, дам и царских сановников).

НАХАБЦЕВ

Парамон Есифович, граф! Ну что за день сегодня такой!
Анастасия Игнатьевна, счастлив видеть, вашу ручку! Позвольте, позвольте!
Вениамин Федулыч! Наипрелестнейшая у вас дочка, наипрелестнейшая!
Прикажите ей не краснеть в моем присутствии. Ну так что, что знаменитый артист.
Павел Аркадьевич, смилуйтесь!
Михаил Ильич, генерал! Расскажите, не задумываются ли англичане относительно Сицилии, или к примеру той опасности, что будет новый Буонапарт, впрочем, об этом как-нибудь потом!
Даниила Карлович, счастлив видеть в здравии и добром расположении духа!
Щеки то у вас, все розовеют, в деревне воздух то другой! Но скуотища какая!
Дарья Зосиминична, Палагея Григорьевна, погода сегодня, правда, наипрелестнейшая! Наипревосходнейшая! Познакомьтесь, это майорский

нос, наиталантливейший нос, только одного таланта, этого мало, к носу еще артист прилагается.

Авель Ферронович!!!

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Видел я, видел, господин Нахабцев, как вы на сцене над моим носом глумитесь! Забилось в театр полторы тысячи дураков, и смеются себе, тоже мне нашли над чем смеяться, над майорским асессорским носом. Да, пусть они над вашим личным носом потешаются, или над своими собственными, дома у зеркала. Государь-император то совсем другое дело, он может над чем угодно потешаться, а все равно государем-императором останется в самых высших своих началах! Вот эти булошники, эти часовщики, мещане, хохлы, студентики! Какие у них рожи-то глупые становятся, бессмысленные! Отдайте мне мой нос сейчас же, господин Нахабцев, иначе я на вас жалобу подам в Сенат, в Законный комитет. Когда вас государь награждал, он не знал, что нос ворованный! Смейтесь, смейтесь... На то вы и артист... Экая наглая у вас физиономия! Мой нос к вашей личности никакого отношения не имеет, в газетном листе он отдельной строчкой шел, отдельно от вас. Как нос майора Ковалева. Мой нос двадцать лет отечеству прослужил, и награжден был в другом качестве. За большое настоящее дело. Наглая у вас физиономия, противная, воровская! Я бы всех актеришек собрал и вывез куда-нибудь в Азию, к бедуинам, в пустыню, и оставил бы их там навсегда, чтобы они над чужими носами не измывались. Вот заведут на вас дело в следственном комитете, тогда узнаем, как мой нос к вам попал!? Нос отдайте! Верните нос! Мне нос нужен отечеству служить, присягу исполнять! Если все майоры и коллежские асессоры станут ходить с плоским, как блин, лицом! Как над Россией в Европе смеяться станут!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

АКТЕР НАХАБЦЕВ

Делает маникюр. Брезгливо:

Ваш нос принадлежит искусству, сударь мой, святому искусству. Он теперь не ваш, он теперь есть собственность совершенно иного не собственного рода! А отечеству вы можете и без носа послужить! Вот, генерал Апраксин служит отечеству без ноги, а вы сами-то посудите, что по своему основанию значительнее и важнее! Нога или нос! А он, между прочим, полком командует. А генерал-фельдмаршал Кутузов армией командовал без глаза! А вы сами посудите, что по своему основанию значительнее и важнее: осматривать окрестности будущего сражения или созерцать их запах!? А что

до вашего плоского, как блин, лица, так зачем оно вам не блинное лицо-то ваше? Жениться на дочке Александры Григорьевны Подточиной вы не захотели. Я все про вас знаю. Ходите же с плоским лицом! У китайцев, к примеру, у алтайцев носов почти что нет, живут себе с плоскими лицами! Да, это несправедливо: у меня два носа, а у вас ни одного. Так все люди на этом свете: одни имеют все, другие - ничего. Такой порядок от Бога дан, не я его установил! А что до наград, так это я ваш нос прославил, а не вы свой. И кабы не я и не мой талант, то ходил бы ваш нос совершенно безымянный. А вы выйдите на Невский проспект и посмотрите сколько там безымянных носов за воротники прячутся. Так что, не морочьте мне голову, подите прочь! А что до судов, Сенатов и Следственных Комитетов, полицмейстеров, то поймите наконец, что я с дочерьми сенаторов и полицмейстеров на балах танцую. Не успеют дело открыть, тут же прикроют. Так что, подите-ка вон от меня и на глаза мне больше не показывайтесь! А что до того, как вам подчиненными руководить без носа в вашей канцелярии, так что даже хорошо, что носа нет, они вас за нос водить не сумеют! Не сумеют! Ха-ха! Вон, вон отсюда! Майор! Каналья! Они вас за нос водить не сумеют! Писари и прочая мелкота! И вообще, вы своего носа не достойны. Кто же увидит такой великолепный блистательный нос, если вы его из воротника в бумаги канцелярские! Со службы домой! А теперь ему из императорской ложи рукоплещут! Так это хорошо, что у вас носа нет: ни мясник, ни булочник за нос вас водить-то не сумеют. Эдакий вы теперь бука что вас теперь не проведешь, так что же в этом плохого?

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Вечерами любил майор Ковалев пить чай в квартире своей соседки Глафиры Пантелеймоновны Экец (вариант: статской Советницы Чахтаревой. Старуха- тень, кукла, сам артист бенефициант)

Беда у меня, горе, матушка Глафира Пантелеймоновна, артистишка у меня нос увел. И куда я только не обращался: и в Сенат, и в Синод, в Следственный Комитет – никакого результата нет. Повсюду у него свои люди. А ведь мерзавец какой: чтобы завести связи, он моим же носом воспользовался! Сколько я перьев, бумаги извел, совершенно никакого толку нет. Раньше нюхал табак, а сейчас жевать приходится, потому что другого выхода нет. Услышать бы, как ваша герань пахнет, да хотя бы не герань, кофе или аромат от лампадки услышать бы. Истосковался я по ароматам. А как ваш кролик с чесноком пахнет, милая моя соседка Глафира Пантелеймоновна. С чем мое состояние можно сравнить!? Сам не знаю. С глухотою, наверное, или со слепотою. Радости жизни я совсем никакой не

осязаю. Бывало войдешь в ведомство, откроешь документ, запах какой, служебный запах. Бумажкой пахнет, чернилами. Гусиное перо тоже ведь пахнет!? И перо! А печать каучуковая. Боже мой, как несчастен я. Убью я его, вызову на дуэль, и убью актеришку! Если нет справедливости в жизни, так я сам ее добуду!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

Смотрите, как бы он вам ваш нос не испортил. Артисты, сами понимаете, какие людишки! Все больше по женскому полу чиновничают, вот расцарапает ему какая-нибудь цапля ваш драгоценный нос! Успех у него из-за вашего носа какой! Какие возле него пчелы вьются: губернаторские дочки, престолоначальнические! Какие богатства наживает, в каких каретах ездит! Какие времена настали! Какие над личностями совершаются преступления!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Странная вещь: на мне нос смотрелся совершенно обыкновенно, а на актеришке совсем иначе, эффектно смотрится, оригинально! Наверное, нет у меня таланта собственный нос носить! А актеришка так залихватски с моим носом щеголяет! Сволочь!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

Видно не хватает у вас для вашего носа щегольства, наглости. Нос-то у вас действительно интересный. Редко такой встретишь. Только вы, майор, получается, что человек не для собственного носа. Сколько лет с собственным носом прожили, а употребить себе на пользу не смогли!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Ваша правда, соседushка! Только вот видите, как обидно. Чайник стоит на столе и тот с носиком, а у меня носа нет! Получается, что я вещь, проще вашего чайника, Глафира Пантелеймоновна! Что ж мне делать? Смириться? Пусть эта выскочка живет с удовольствием, пользуясь лучшей частью

Петербурга? Так, пусть. А я буду жить себе без носа, скромной майорской жизнью, а чтобы все друг другу соответствовало, возьму фамилию Безносов. И никто ко мне с глупыми вопросами домогаться не станет! Понятное дело, почему без носа, потому что Безносов! Хорошо звучит. Коллежский ассессор Безносов. А, может быть, вызвать актеришку на дуэль и убить? И нос свой отобрать! С другой стороны, он все ж таки человек, жалко. Из-за носа живую душу извести. Известно, что все души независимо от их коварства и подлости, на божественном попечении числятся. Господа, гневать нехорошо! Я уже однажды в молодости из-за носа кровь пролил! Гимназистом! Паршинов, мой одноклассник, подошел ко мне и пребольно по носу щелкнул. Так, я ему в его нос... со всего маху! В углу на коленях на горохе стоял. А здесь душа человеческая! Одно дело горох! Медные котлы- совсем иное дело!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

А вы не жалеете, убейте его! Бог простит, он милостив, он тоже не любит, когда над коллежскими ассессорами измываются. Вызовите на дуэль актеришку и положите его. Лицедейство дело не богоугодное, нечего с ними церемониться. Другое дело по военному ведомству или как мой муж, покойничек, царство ему небесное, по акцизному делу чиновник. Придет, бывало, из присутствия, положит глубокую морщину поперек лба и молчит, думает, а там и на боковую. Пулечкой насквозь пробейте, продырявьте актеришку, хватит, потешился, уже довольно из себя дурака изображать. Бог серьезных людей любит, а веселых терпит, скрипя зубами терпит.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Ладно суд Божий, здесь я согласен. А человеческий суд, государственный! Прихлопну я как муху любимца публики! А в партере у него и судьи, и прокурор. Получается лишил я их всех удовольствия. Так, они меня в Шлиссельбургскую крепость. Тут задумаешься. Что лучше: с носом в крепости, за решеткой или на Невском проспекте, на променаде без носа! Нет носа и нету и вопроса!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

А я бы его убила, если б он на мой нос позарился! Я б не раздумывала. Хоть мой нос против вашего не такой образцовый. Я свое никогда никому не отдам. Не стесняйтесь, отведайте крольчатинки, кушайте, кушайте.

СЦЕНА ТРИДЦАТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Я без размышлений ничего сделать не могу. Потом, без носа свои плюсы есть. Отчего я только майор, к примеру? От того, что всю жизнь свой нос куда не следует совал. Вопросы начальству задавал, а без носа я, может быть, хорошую карьеру себе сделаю на остаток-то лет! Опять же, нет насморка. Табак нюхать вредно. И для отечества пользы больше, сам государь из ложи им любуется! Вкусный кролик, замечательный! Хорошо вы его на блюдо положили. Расскажите, голубушка, словами расскажите, как он пахнет! На вкус я его осезаю, но аромата не слышу.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

Пахнет так, что слов не найдется пересказать вам какое это ароматное великолепие.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

А вы постарайтесь, на словах растолкуйте мне.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАФИРА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА

Ну, как же вам тогда объяснить? Какой аромат у кролика? С чем же это можно сравнить, как это вам можно объяснить посредством слов вещи совсем не словесные, а такие вещи, которые в воздухе носятся, но для языка, глаз и слуха остаются неуловимыми. Однако же я попробую. Помните ли вы картину «Гибель Помпеи»? Так вот, аромат у кролика такой, как будто раздался ужасный среди небес гром такой силы, что вы бы испугались и обрадовались одновременно в надежде увидеть что-то не ежедневное. Сверхъестественное первое ощущение! А после вышли бы из дома и

увидели, как по небу летят обломки от зданий. Вот какое впечатление имеет место, как только я приоткрыла крышку кастрюлечки. Не меньше. Вы бы от неожиданности возвели бы руки к небу и запричитали, когда услышали бы сей великолепный аромат. А когда человек возводит руки к небу и прикрывает голову плащом, как нарисовано, допустим на картине, то в нем образовывается совершенно особенная чувствительность, как будто вошли вы в темную комнату и стали видеть в темноте. То есть первый аромат открыл во мне все створки и дверцы, через которые в мои ноздри хлынули все двести тысяч других ароматов. И весь ваш ассессорский организм моментально приготовился бы к употреблению явств. Только с «Гибелью Помпеи» можно сравнить аромат от этого кролика. Только с «Гибелью Помпеи».

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СТАВСКИЙ, ДИРЕКТОР ТЕАТРА

Пришел ко мне вчера майорский нос, Илья Андреевич, и стал жаловаться на тебя, что ты его куда не лень за собой таскаешь! Ладно по балам и по светским львицам, а то по трактирам и про увеселительным заведениям. Я, говорит, Павел Игнатьевич, на театре служу, мне с актером Нахабцевым по увеселительным заведениям таскаться и дышать его утренним перегаром, нет никакой необходимости. Отчего, говорит, объясните мне он в гримм-уборной меня не оставляет, ведь вы ему специально для его хранения выдали из красного дерева со стеклом футляр. Зол он на тебя, Илюша, ой, как зол! Я, говорит, нос не простой, а майорский. Сыграл спектакль, положил меня в коробку. Самому лень, отдай меня в реквизиторский цех, реквизитор сам в коробку определит. Что же мне делать-то на носу у этого лавиласа? Я, говорит, люблю чистое искусство, я полюбил запах кулис, мне до веселой жизни никакого дела нет! У меня, говорит, призвание. Блестеть, то есть, блистать на сцене. Незачем меня совать туда, где искусством и в помине не пахнет. Успех, говорит, пережить надо, погубит Нахабцева успех! А ведь, говорит, артист талантливый и как хорошо мы начинали! А теперь и что только в меня не засовывает. Вчера спяну вместо табаку засадил в меня щепотку – другую черного перца, я от жжения чуть с ума не сошел! Коробочка с табаком рядом стояла, а он уж до того набрался, что полностью разумение потерял. Я, говорит мне майорский нос, умоляю вас, прикажите после спектакля оставлять меня в реквизиторской. А там, со своим носом пусть где хочет, там и шляется, что с ним захочет, то и делает! А мне надо о новой работе думать. Надоело мне играть французишку, я хочу датского принца сыграть. Да, да, Нахабцев, вошел майорский нос ко мне в кабинет, а под мышкой у него экземпляр из театральной библиотеки. Так майорский нос возмущался, что в сердцах у меня экземпляр на столе оставил. Напоследок

дверью хлопнул. А я смотрю, что на моем столе лежит. Пьеса Уильяма Шекспира «Гамлет». Гамлета майорский нос сыграть вознамерился. О новой роли задумался, а вы вниз по наклонной с горочки в кабак-с!

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Однажды вечером майор Ковалев набрался храбрости и пошел к дому актера Нахабцева. Он долго топтался перед дверью, наконец решил позвонить, позвонил. Артист открыл ему дверь.

Многоуважаемый Илья Андреевич, войдите в положение, честное слово. Жизнь моя без моего собственного носа превратилась в ужасную трагедию. Пока что на дворе прохладно, я могу половину своего плоского лица прятать в воротник, но скоро лето настанет, так что ж мне делать? Поймите, Илья Андреевич, жизнь человека, если у него увели нос, *сносно* назвать никак невозможно! Особенно, если человек этот не самый последний человек, а коллежский асессор. У меня к вам будет предложение: давайте разделим нос на две части. Артисты просыпаются очень поздно, после обеда, а мы по чиновничьей части рано уходим на службу. Прошу вас, умоляю, давайте я утром буду с носом служить Отечеству, а после службы, пройдя немного по Невскому, стану приносить нос к вам домой, и вторую половину дня и пусть даже всю ночь, он будет ваш. Я ложусь рано, а вы ночью бодрствуете. И от этого Отечеству будет двойная польза, потому что с утра наш с вами нос будет раздувать ноздри по военному ведомству, а после трех часов по полудни, служить на ниве искусства. Войдите в мое горестное положение. Ведь даже у чайника носик имеется, даже у кошки, у собаки, а у меня индивидуальности, так сказать, нет. Сколько ж можно смотреть на себя в зеркало и только видеть, как там округлый нос отражается. Прошу вас. Как жить, когда на кухне готовится цыпленок? Или кролик? А я аромату не слышу. Где же справедливость: у вас два носа, и оба полны пленительных чувств, а у меня ни одного! Смилюйтесь, Христа ради!

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

АРТИСТ НАХАБЦЕВ

Подите вон, сударь, мне ваши страдания безразличны, а если вы меня на сквозняке еще держать собираетесь, то у меня из обоих носов польется так, что никаких носовых платков не хватит. И ногу уберите с порога, вы, может быть, еще не все сказали, а я всего и слышать-то не хочу!

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

А, если вы и дальше станете измываться надо мной, как над человеком, влияния совсем не имеющего, за которого ни закон, ни родственники заступиться не в состоянии, а также не вхожим в высшие круги, тогда я вызову вас на дуэль и убью! И я долго боялся этого, а теперь вот таким образом я решил, вволю настрадавшись, что лучше сидеть в крепости со своим собственным носом, чем мыкаться в горе с совершенно плоским, как блин, лицом, быть человеком никаким, безликим. Что вы сказали, вон пошел? Это вы мне сказали? Тогда точно, прямо сейчас, я бросаю в лицо вам перчатку, я вас вызываю на дуэль.

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

АРТИСТ НАХАБЦЕВ

Пошел вон, ступай отсюда! Перчатку мне в лицо кидать пришел! Во, дурак! Таким, как ты, болванам, ни к чему носы! Тем более такие выдающиеся носы! Ты сам, дурак, подумай: вот ты нацелишься в меня пистолетом и выстрелишь, а пуля мне в твой нос попадет! Что ж тогда получится? Дурак, стрелял ты в меня, а попал в себя! Вон отсюда и чтоб духу твоего здесь не было! Экий вы батенька дурак!

СЦЕНА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СТАВСКИЙ, ДИРЕКТОР ТЕАТРА

Сижу я вчера в буфете у нас, на втором этаже, врывается, Илья Андреевич, твой разгневанный нос и орет: «Я больше с Нахабцевым играть не буду! Он слова в роли забывает, и мизансцены не помнит». Я, говорит, с этим пропойцей Нахабцевым играть отказываюсь! Прошу считать его успех совершенно случайным, это был больше мой успех, нежели его. Я, говорит, дорожу своею творческой репутацией. Написал мне заявление майорский нос: «Прошу дать мне другого партнера. Мне не с руки играть с таким вульгарным и малоодаренным артистом». Мне, говорит, надоело дышать перегаром!

СЦЕНА СОРОКОВАЯ

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Брить вас, майор, стало одно удовольствие. С одной стороны, хочется схватить вас по привычке за нос, чтобы выбрить под носом, а с другой стороны, зачем такую привычку иметь, если личико у вас стало, так скажем,

ровный как ровный стол. Очень гладенькое, очень удобное. Смотрите как дело. Раз, два (вытирает бритву). О чем вы меня спрашиваете: могу ли я побрить вашего друга? Конечно. Иван Яковлевич побреет, все сделает. Что вы сказали? Нужна совершенно особая процедура? И в чем же она состоять? Не в моей мастерской его надо, а где? В темном переулочке? Ночью? При свете луны? И луны не надо? Смогу ли я побрить клиент совсем в кромешной темноте? А если я в темноте порежу вашего драгоценного друга? Вы так считаете, что это даже хорошо будет? И чем сильнее, тем лучше? Я, майор, за известные вам деньги только в своей парикмахерской брить, стричь, а на выезде, да еще и ночью, это будет значительно дороже, как обычно. Сколько вы дадите мне ассигнациями? Пять рублей? Так, это же состояние целое... великолепно! Хотеть, чтобы царапина на горле была глубокой преглубокой? Любой ваш каприз! Аванс с удовольствием возьму! Стрижем, бреем, кровь отворяем! Клиент остаться очень доволен. Только я вас просить на углу стоять, туда посмотреть, сюда посмотреть. А как зовут вашего друга? Артист Нахабцев. Это есть знаменитый человек. Я бы нам с вами этого господина отсоветовал бы в подворотне побрить. Он большие связи иметь! Под высоким покровительством, кабы худо из того не вышло? Нет никакого покровительства? Что в газете написано, не читал. А давайте я почитаю.

Иван Яковлевич берет газету, читает по слогам, медленно.

Театральный листок: «За пьянство и дебоширство артист Илья Андреевич Нахабцев уволен из Александрийского театра». Читаю дальше. «Премьера. Гамлет. В главной роли нос коллежского асессора, майора Ковалева!» Поздравляю, это очень хорошо. Смешно: вы дома отдыхать, а ваш нос на сцене лицедействовать. Интересно! Вы домой идите, отдохните. А я пока бритвочку заточу! Турки они ведь ятаганами бреются!

СЦЕНА СОРОК ПЕРВАЯ

ШЕКСПИР «ГАМЛЕТ». РЕПЕТИЦИЯ.

На фоне черного кабинета артист весь в черном представляет репетицию пьесы Шекспира «Гамлет». В руке артист бенефициант держит нос майора Ковалева. Нос в плаще. Со шпагой. Нос скитается по сцене туда, сюда, начинает монолог (монолог на выбор режиссера).

Гамлет

О, если б ты, моя тугая плоть,
Могла растаять, сгинуть, испариться!
О, если бы предвечный не занес

В грехи самоубийство! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих стремленьях!
О мерзость! Как невыполотый сад,
Дай волю травам, зарастет бурьяном.
С такой же безраздельностью весь мир
Заполонили грубые начала.
Как это все могло произойти?
Два месяца, как умер... Двух не будет.
Такой король! Как светлый Аполлон
В сравнении с сатиром. Так ревниво
Любивший мать, что ветрам не давал
Дышать в лицо ей. О земля и небо!
Что поминать! Она к нему влеклась,
Как будто голод рос от утоленья.
И что ж, чрез месяц... Лучше не вникать!
О женщины, вам имя - вероломство!
Нет месяца! И целы башмаки,
В которых гроб отца сопровождала
В слезах, как Ниобея. И она...
О боже, зверь, лишенный разума,
Томился б дольше! - замужем! За кем!
За дядею, который схож с покойным,
Как я с Гераклом. В месяц с небольшим!
Еще от соли лицемерных слез
У ней на веках краснота не спала!
Нет, не видать от этого добра!
Разбейся, сердце, молча затаимся.

СЦЕНА СОРОК ВТОРАЯ

АРТИСТ НАХАБЦЕВ

В подворотне. Только облако закрыло собою луну, тут же стало темнее обыкновенного.

Здравствуйте, Иван Яковлевич, здравствуйте господа. Не желаю ли я протрезвиться? А зачем же я тогда пил с таким усердием, если надобно теперь же протрезвляться. Не протрезвиться? О чем вы меня спросили? Побриться? Нет, не желаю, мне моя небритость к лицу, я люблю щетину на щеках носить, а если я и захочу побриться, так я тут же направлюсь к немцу. Так это вы и есть Иван Яковлевич, темнотища-то какая, хоть глаз выколи, я вас не признал, хотите побрить меня прямо здесь, я в такой темнотище вам

своей шеи не подам, я люблю чистоту, что же вы меня брить будите, стоя по колено в луже, да на ветру еще. Нет, я люблю запах одеколona, я люблю накрахмаленную салфетку, я люблю видеть свое отражение в зеркале. Не надо так, господа, за руки-то меня брать, господа. (Кричит) Господа, что вы делаете господа?

СЦЕНА СОРОК ТРЕТЬЯ

ЦИРЮЛЬНИК ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Вот это и есть коммерция, когда на одном деле дважды можно заработать.

Иван Яковлевич вносит в фонарный свет нос, кладет в платок, аккуратно заворачивает, прячет платок в карман.

СЦЕНА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

МАЙОР КОВАЛЕВ

Прогуливаясь по Невскому проспекту.

Здравия желаю, Александр Филиппович! Здрасьте, Ольга Владимировна! Погода сегодня преотличнейшая, такая, что невозможно обойтись без Невского проспекта, день преотличнейший, настроение хорошее! Чахтарева, слышали, статская советница, купила себе новый выезд, одна лошадь арабская. Здрасьте, Николай Амвросич! Здрасьте, Полина Богдановна! Здрасьте! Читал я в ведомостях, читал, но мнения своего я еще не составил. Отчего так долго вы меня не имели возможности видеть? Не стану вам всего рассказывать. История не совсем обыкновенная! Да, обошлось, все обошлось и слава тебе Господи. Здрасьте, Иван Евсеевич! Да, вот ничего такого не делаю, наслаждаюсь только дышу, какое это счастье просто дышать своим собственным носом да еще такой приятный воздух, да еще в таком приятном обществе, говорят свежий воздух очень полезен. Вот нагуляю аппетита по Невскому и пойду откушаю кролика и водочки сто грамм, умеренно сто грамм, не более того. Соседка у меня хоть и старуха древняя, а замечательно готовит. А чем же вы так расстроены, Иван Евсеевич? В театр собрались а спектакля не будет? Вот беда то, беда! Пойдемте к афише, прочитаем, что написано. Позвольте взять вас под руку.

Его императорского величества Александрийский Театр.

Уильям Шекспир. Гамлет.

Всвязи с окончательным прикреплением носа к его собственному лицу, все назначенные спектакли отменяются.

Ах, стоит ли по такому пустяку переживать, Иван Евсеевич? Воздух-то какой наисвежайший, вдохните поглубже и перестаньте теперь же размышлять о всякого рода пустяках. Поглубже вдохните и выдохните. Вдохните милый сударь и выдохните. Благодать то какая, вдохните, выдохните! Чудесно! Пойдемте, прогуляемся по Невскому!!!

ЗАНАВЕС

Москва 2008 г.